

Диктатура

Суммируем. Для фашиста все заключается внутри государства и не существует ничего мирского или духовного вне государства. Без него все имеет меньшую ценность. В этом смысле фашизм тоталитарен и фашистское государство понимает, развивает и преумножает всю жизнь людей как синтез и единство каждой ценности.

Бенито Муссолини

Постулат *методологического индивидуализма* лежит в основе всего анализа теории общественного выбора. Пытаясь объяснить действия государства, мы начинаем анализировать поведение индивидов, из которых оно состоит. В демократии — это избиратели, выбранные ими представители и назначенные бюрократы. Постулат методологического индивидуализма имеет нормативный аналог. Действия государства *должны* некоторым фундаментальным образом отвечать предпочтениям индивидов — его граждан, которых эти действия затрагивают. Этот постулат *нормативного индивидуализма* лежит в основе большей части нормативного анализа в теории общественного выбора. Следовательно, совершенно понятно, почему почти все исследования в теории общественного выбора сосредоточены на анализе демократических государств. Во-первых, потому, что почти все теоретики общественного выбора прожили жизнь в демократических странах и, таким образом, эта разновидность политической системы представляет наиболее важный интерес для них; во-вторых, потому что они ощущают, что все государства должны быть организованы как демократии.

Если же кто-либо взялся бы классифицировать каждое когда-либо существовавшее на Земле государство с самого начала документированной человеческой истории как диктатуру или демократию, а также оценил бы продолжительность существования каждого типа правления, то он убедился бы, что демократические государства образуют только ничтожную долю, всех современных и прошлых государств, — долю, соответствующую вниманию, которое теоретики общественного выбора посвятили *недемократическим* государствам в своих исследованиях. Даже сегодня, в начале третьего тысячелетия, когда демократические государства в большей степени представлены в мире, чем когда-либо в истории, они не составляют и четверти от общего

их количества.¹ Любой, кто стремится узнать, как функционируют реальные государства в различных частях мира, должен предпринять исследование диктатуры. В последнее десятилетие или около того теоретики общественного выбора начали работать над этой сложной проблемой. Эта глава рассматривает некоторые из их достижений.

В четвертом издании «Краткого Оксфордского словаря» диктатор определен как «абсолютный властитель государства, обычно временный или незаконный, преимущественно тот, кто подавляет или сменяет демократическую власть; личность с абсолютной властью в любой сфере». Это определение, вероятно, подходит к такому архетипу диктатора, как Адольф Гитлер. Он сменил и подавил демократию, правил, обладая абсолютной властью; и, слава Богу, его правление было временным. Те, кто жили при власти Фиделя Кастро или Иосифа Сталина, могут поставить под сомнение характеристику диктатуры как *временной*, кроме того, ни один из этих правителей не пришел на смену демократии. Однако оба подавляли любые существовавшие в их странах демократические тенденции и оба имеют то общее качество с Гитлером — и со всеми прочими диктаторами, — что власть диктатора в той или иной степени *абсолютна*. Это качество диктатуры предполагает, что ее анализ в теории общественного выбора, основанный, как и сама эта теория, на методологическом индивидуализме, может включать только анализ предпочтений и действий одного индивида — диктатора. Однако ни один диктатор не правит исключительно сам. Он окружен бюрократией, которая должна проводить его директивы и, таким образом, сталкивается с теми же проблемами в отношении принципала и агента, которые существуют во всех бюрократиях. И даже граждане, которых он подавляет, имеют выбор между сопротивлением действиям государства и их поддержкой, а если выбирается сопротивление, то можно выбирать между его пассивной и активной формами и так далее. Таким образом, мы обнаружим, что, несмотря на значительные различия, которые существуют между диктатурами и демократиями, один и тот же базовый методологический подход может быть применен к анализу каждой из них. Разумеется, мы обнаружим, что несколько концепций, проанализированных в предыдущих главах, снова играют свою роль в анализе диктатуры. Мы начинаем с рассмотрения происхождения диктатуры из анархии.

18.1. Истоки диктатуры

Во второй главе мы отмечали, что кооперативные решения дилеммы заключенных и поставка общественных благ без создания формальных государс-

¹ Фридом Хаус (*Freedom House*, 1997) отнес только 22% всех стран к располагающим набором политических и гражданских свобод, которые мы связываем с развитой демократией.

твенных институтов могут иметь место в маленьких, стабильных сообществах в рамках рационального, эгоистического поведения индивидов, вовлеченных в серию суперигр, относящихся к дилемме заключенных. Однако такой неформальный механизм побуждения к эффективной кооперации разрушается по мере того, как растет число игроков и нарушается их идентичность. Одним из ответов на такое разрушение могло бы стать собрание всех игроков и создание ряда демократических институтов для решения этих проблем коллективных действий к взаимной выгоде всех игроков. Такой ответ находился бы в русле викселианской традиции, которая в значительной мере лежит в основе работ по теории общественного выбора, и он находится в центре внимания в гл. 25 и 26. Однако такие *коллективные* ответы на проблемы коллективных действий оказываются жертвой того же поведения «безбилетников», которое и порождает эту проблему впервые (*Dixit and Olson, 2000*). Следовательно, можно ожидать, что решения проблем коллективных действий в реальном мире гораздо чаще предполагают действия отдельных индивидов или небольших групп. Осознавая потенциальные выгоды от обеспечения некоторых общественных благ и правил для решения «дилеммы заключенных», некий охваченный предпринимательством индивид выходит на авансцену и учреждает институты в целях обеспечения этих благ и услуг.

Олсон (*Olson 1993, 2000*) характеризовал появление диктатур в значительной мере таким же образом. Диктатор — это максимизатор богатства, который живет его перераспределением от тех, кем он правит, в свою пользу. Одной из стратегий, которой может следовать такой максимизатор богатства в мире, где индивиды живут в мирной анархии в малых сообществах, — это учреждение военной силы и передвижение от одного сообщества к другому, экспроприируя все и всякое богатство, которое каждое из них накопило. В таком мире, однако, любой не входящий в кочующую армию индивид не имеет стимулов накапливать богатство, так как он должен жить в ожидании того, что *кочующий бандит* и его армия придут и лишат его накопленного им богатства. Рациональный, максимизирующий благосостояние бандит пожелает дать индивидам стимулы накапливать богатство, так что будет больше богатства для изъятия. Такие стимулы могут быть обеспечены, если бандит отбирает только часть богатства сообщества и защищает остающееся богатство от других кочующих бандитов. Таким образом, кочующий бандит может накопить больше богатства, став *стационарным* бандитом, обеспечивающим все общественные блага и услуги (включая полицейскую защиту и оборону против нападений извне), которые дадут стимулы для тех, кого он грабит, создавать богатство. Таким путем рождается диктатура.²

Как бандит, так и сообщество, которое он грабит, улучшают свое положение, если бандит становится стационарным и поддерживает и защищает

² *Волкарт* (*Volckart, 2000*) описывает, как современное государство возникло в средневековой Германии в качестве института для обеспечения защиты и создания рент.

свое сообщество. Хотя немобильность бандита ставит его интересы в один ряд с интересами членов сообщества, она не обеспечивает их идеального совпадения. Благосостояние сообщества отстает от уровня, который был бы достигнут при *благонамеренном* диктаторе, максимизирующим богатство сообщества. Для того чтобы увидеть, что все это означает, прибегнем лучше к рассмотрению потоков доходов, а не накопленных богатств. Диктатор поставляет общественные блага, такие, как дороги и мосты, правовую систему, которая принуждает к соблюдению контрактов и защищает собственность, и так далее. Таким образом, национальный доход Y увеличивается с ростом объема общественных благ G ; $Y = Y(G)$, притом, что $\partial Y/\partial G > 0$, $\partial^2 Y/\partial G^2 < 0$. В целях финансирования поставки общественных благ, диктатор облагает доход пропорциональным налогом, t . Этот налог оказывает дестимулирующее воздействие на усилия и, таким образом, более высокие налоги ведут к падению национального дохода. Простейший путь отразить это воздействие — предположить постоянную эластичность по отношению к налоговой ставке η и представить получаемый доход как $Y_r = Y(1 - \eta t)$.

Потребление диктатора, C , должно также иметь своим источником собранные налоговые поступления, и, таким образом, $tY_r = G + C$. Диктатор стремится максимизировать потребление при данном ограничении. Если мы используем это ограничение в качестве заместителя C , то диктатор может быть представлен как выбирающий G и t таким образом, чтобы максимизировать целевую функцию $O_D = tY(G)(1 - \eta t) - G$. Это приводит к следующим двум условиям первого порядка:

$$t \frac{dY}{dG} - 1 = 0 \quad (18.1)$$

$$Y - 2\eta t Y = 0, \quad (18.2)$$

откуда мы получаем:

$$\frac{dY}{dG} = \frac{1}{t} \quad (18.3)$$

$$t = \frac{1}{2\eta}. \quad (18.4)$$

Уравнение (18.4) задает ту же самую оптимальную налоговую ставку, которая была получена Бреннаном и Бьюкененом (Brennan and Buchanan,

1980) в модели Левиафана, поскольку в настоящей модели диктатор эксплуатирует население точно таким же образом, как и в модели Левиафана, за исключением того, что деньги, изъятые у граждан, идут на финансирование собственного потребления диктатора, а не на расширение государства.

Если общественные блага не приносят никакой полезности гражданам сообщества, кроме как через их воздействие на доход, то граждане, конечно, станут желать максимизировать доход сообщества за вычетом того, что они должны за них заплатить, $Y(1 - \eta t) - G$. Если мы максимизируем целевую функцию сообщества, Q_s , по отношению к G , то мы получим

$$\frac{\partial Q_s}{\partial G} = \frac{dY}{dG}(1 - \eta t) - Y\eta \frac{\partial t}{\partial G} - 1 = 0, \quad (18.5)$$

принимая во внимание, что t есть функция G через бюджетное ограничение. Первый член в (18.5), $(dY/dG)(1 - \eta t)$ есть предельная выгода для сообщества от увеличения количества общественных благ. Второй член, $Y\eta(\partial t/\partial G)$, — это предельные затраты наращивания объема общественных благ благодаря тому факту, что увеличение G требует какого-то увеличения t , и это увеличение сокращает Y из-за дестимулирующего эффекта налогообложения. Третий член в (18.5) -1 отражает предельные затраты увеличения G , которые возникают, так как величина G должна быть профинансирована из Y .

Несмотря на простоту допущенных взаимоотношений, решение относительно явной величины t ведет к весьма сложному выражению, соотносящему t с dY/dG . К счастью, из целевых функций диктатора и сообщества, O_D и O_s , очевидно, что объем поставляемого диктатором общественного блага падает ниже общественно оптимальной величины.

$$O_D = tY(G)(1 - \eta t) - G \quad (18.6)$$

$$O_s = Y(G)(1 - \eta t) - G. \quad (18.7)$$

Обе целевые функции изображены на рис. 18.1. По причине вогнутости $Y(G)$ и того факта, что $(1 - \eta t)$ снижается вместе с t , O_s вогнута по отношению к G , так же, как и O_D . Из-за необходимости финансировать потребление диктатора из налоговых поступлений при диктатуре t выше при любом уровне G , и, таким образом, $(1 - \eta t)$ ниже. Это вместе с тем фактом, что первый член в O_D умножается на $t < 1$, гарантирует, что O_D достигает максимума раньше,

чем O_S . Диктатура предоставляет меньший уровень G , чем общественно оптимальный.

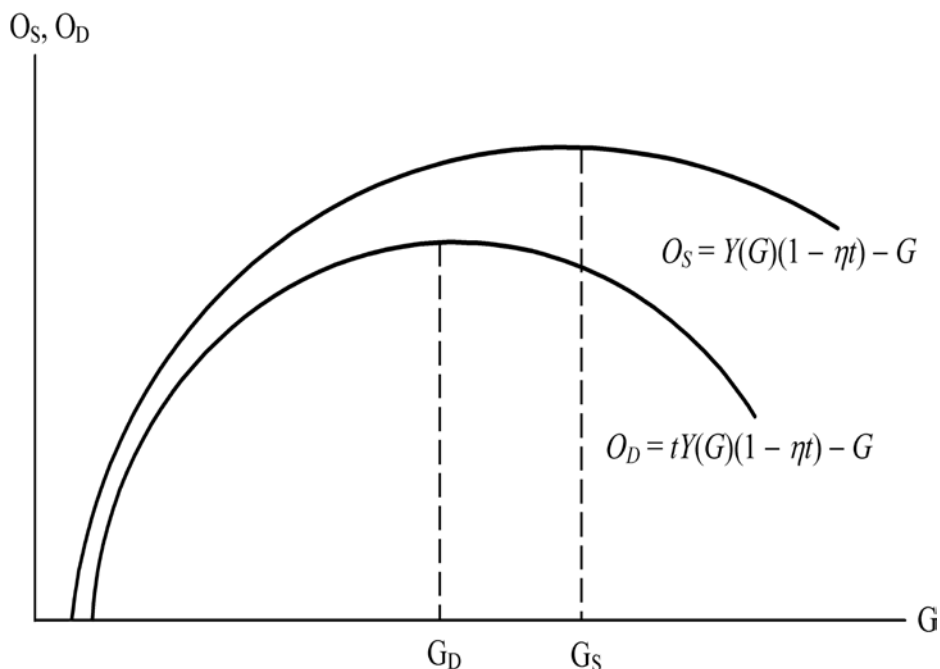

Рис. 18.1. Оптимальное предоставление общественных благ для диктатуры и сообщества.

18.2. Цели диктаторов

18.2.1. Потребление диктатора

Римский император Нерон предавался всем возможным видам потребления; французский Людовик XIV («король-солнце») построил дворец в Версале, который заставил бы Нерона позеленеть от зависти; английский король Генрих VIII удовлетворял ненасытный аппетит к еде, выпивке и женам. Другой пример: когда Имельда Маркос, жена Фердинандо Маркоса, бывшего долгое время диктатором на Филиппинах, спешно бежала из страны после смерти мужа, среди прочей собственности она оставила 3 000 пар обуви. Список автократов, которые облагали налогами своих подданных ради поддержания экстравагантного и экзотического образа жизни, почти бесконечен. Предположение из предшествующего раздела о том, что диктатор использует свою

власть для трансформации получаемых от подданных доходов в личное потребление, отвечает поведению многих диктаторов.

18.2.2. Власть

Однако не все диктаторы желают «жить как короли». Адольф Гитлер вел очень скромный образ жизни, несмотря на его абсолютную власть, так же, как Жанн Кальвин в те дни, когда он и его последователи навязали религиозную автократию гражданам Женевы. Некоторые диктаторы в своих действиях движимы желаниями, которые выходят далеко за пределы их личного потребления. В этих и аналогичных случаях диктатор придерживается какой-либо определенной идеологии, которую он хочет «привить» другим. Диктатор стремится к власти ради утверждения и распространения конкретной идеологии. Для Гитлера это был фашизм, для Кальвина — особая доктрина протестантизма, которую стали называть кальвинизмом. Диктатор, одержимый такой идеологией, стремится к тому, чтобы его подданные придерживались определенных принципов, лежащих в основе идеологии, и жили в соответствии с ними. Он стремится к *власти* над подданными, власти, позволяющей контролировать их мысли и дела. Кальвин, например, диктовал жителям Женевы, что им следует носить, где они могут жить и какие имена они могут давать детям (Bernholz, 1997b, pp. 289–290). Цель фашизма заключалась в том, чтобы контролировать каждый аспект личной жизни, как показывает цитата из Муссолини в начале главы.³ Любую систему, подобную фашизму или кальвинизму, которая стремится к полному контролю над жизнями индивидов, мы поместим в категорию *тоталитаризма*.⁴ Таким образом, вторая возможная цель диктатора — власть чтобы контролировать некоторые, а в идеале — все действия тех, кем он правит.

18.2.3. Безопасность

Поскольку многие могут найти власть и (или) образ жизни диктатора привлекательными, то многие могут пожелать занять его место. Если диктатор желает продолжать использовать власть и наслаждаться благами, которые приносит его положение, он должен пресекать попытки других сместить его. Сохранение своего положения — безопасность «рабочего места» — третья и

³ Цитата взята из Бернхольца (Bernholz, 1991, p. 431), где можно найти обсуждение характеристик тоталитарных движений.

⁴ Для дальнейшего обсуждения характеристик тоталитаризма и ссылок на не относящуюся к теории общественного выбора литературу, смотри Бернхольц (Bernholz, 1991, 1997b) и Винтроуб (Wintrobe, 1998, pp. 7–11, 58–68).

наиболее очевидная цель, к которой диктатор, вероятно, стремится, и одна из тех, которую наиболее трудно достичь (Tullock, 1987).

В этой книге мы исследовали поведение трех действующих лиц в демократии — гражданина-избирателя, избранного политика и назначенного бюрократа. Диктатор объединяет все три роли и, таким образом, не удивительно, что его мотивация есть некая комбинация предполагаемых мотивов трех различных действующих лиц в демократии. При диктатуре всеохватывающими являются предпочтения диктатора, а не граждан, и таким образом государственные налоги и расходы ориентированы, по крайней мере частично, на удовлетворение его потребительских запросов, тогда как в демократии государственные налоги и расходы ориентированы, по крайней мере частично, на максимизацию благосостояния граждан от потребления общественных и частных благ. Как глава государства, диктатор командует государственной бюрократией, и он должен, как минимум, осуществлять свою власть над нею ради достижения других своих целей. Если он стремится навязать особую идеологию всем своим подданным, то он должен властвовать над всеми ними. Таким образом, диктатор, как и любой другой бюрократ, стремится к власти. И, наконец, подобно каждому избранному политику, он желает оставаться на своей должности.

18.3. Функционирование и выживание диктатур

18.3.1. Максимизирующий полезность диктатор

Принимая во внимание обсуждение в предыдущем разделе, мы можем выразить сейчас полезность диктатора как функцию потребления C , власти P , и безопасности S : $U(C, P, S)$. Предположим вслед за Винтроубом (Wintrobe, 1990, 1998), что для достижения этих целей диктатор опирается на два стратегических инструмента — *лояльность* своих подданных и *репрессии* по отношению к ним. Лояльность обеспечивается за счет улучшения положения граждан. Предположим, что лояльность подданных в условиях диктатуры увеличивается вместе с их очищенными от налогов доходами, $L = L(Y_T)$, $L' > 0$, $L'' < 0$. Для подавления определенных действий граждан диктатор должен затрачивать ресурсы на полицию, тюрьмы, информаторов и так далее. Таким образом, уровень репрессий есть функция от величины налогового дохода, потраченного на них, $R = R(T_R)$, $R' > 0$, $R'' < 0$. Разумно предположить, что как власть диктатора, так и прочность его положения увеличиваются вместе с ростом лояльности его подданных и величины ресурсов, выделенных на репрессии, $P = P(L, R)$, $\partial P / \partial L > 0$, $\partial^2 P / \partial L^2 < 0$, $\partial P / \partial R > 0$, $\partial^2 P / \partial R^2 < 0$; $S = S(L, R)$, $\partial S / \partial L > 0$, $\partial^2 S / \partial L^2 < 0$, $\partial S / \partial R > 0$, $\partial^2 S / \partial R^2 < 0$.

Как и ранее, предположим, что диктатор получает средства через налог на доход населения. Можно предположить, что этот доход по-прежнему есть функция от уровня поставляемых общественных благ, и решать как для этого уровня, так и для налоговой ставки. Поскольку никакого нового понимания не ожидается от этого дополнительного усложнения, просто допустим, что как уровень общественных благ G , так и валового национального дохода Y — постоянные величины. Задача диктатора тогда сводится к выбору уровня потребления C и расходов на репрессии T_R с тем, чтобы максимизировать свою полезность. С учетом этих величин, общий объем налоговых изъятий предопределен, а это, в свою очередь, определяет посленалоговый доход населения ($Y_T = Y - G - C - T_R$) и, тем самым, уровень его лояльности. Максимизация U относительно C и T_R дает

$$\frac{\partial U}{\partial C} = \frac{\partial U}{\partial C} - \frac{\partial U}{\partial P} \frac{\partial P}{\partial L} - \frac{\partial U}{\partial S} \frac{\partial S}{\partial L} = 0 \quad (18.8)$$

$$\frac{\partial U}{\partial T_R} = -\frac{\partial U}{\partial P} \frac{\partial P}{\partial L} + \frac{\partial U}{\partial P} \frac{\partial P}{\partial R} R' - \frac{\partial U}{\partial S} \frac{\partial S}{\partial L} + \frac{\partial U}{\partial S} \frac{\partial S}{\partial R} R' = 0. \quad (18.9)$$

Перегруппировав (18.8), получаем

$$\frac{\partial U}{\partial C} = \frac{\partial U}{\partial P} \frac{\partial P}{\partial L} + \frac{\partial U}{\partial S} \frac{\partial S}{\partial L}. \quad (18.10)$$

Диктатор выбирает такой уровень потребления, при котором предельная полезность от собранного в виде налога и выделенного на его потребление последнего таланта⁵ в точности равна предельной полезности от возросшей власти и безопасности, которые он бы получил, если бы этот талант не был в составе налоговых поступлений, и тем самым, увеличивал бы лояльность граждан.

Перегруппируя (18.9), получаем

$$\left(\frac{\partial U}{\partial P} \frac{\partial P}{\partial R} + \frac{\partial U}{\partial S} \frac{\partial S}{\partial R} \right) R' = \frac{\partial U}{\partial P} \frac{\partial P}{\partial L} + \frac{\partial U}{\partial S} \frac{\partial S}{\partial L}. \quad (18.11)$$

Диктатор выделяет налоговый доход на репрессии вплоть до точки, где предельная выгода от расходуемого на репрессии дополнительного таланта в точности равна предельной полезности от возросшей лояльности, которую обеспечил бы этот талант, не войди он в налоговые поступления.

⁵ Для того, чтобы не расценивать какую-либо конкретную страну как диктатуру, я выбрал эту древнюю денежную единицу для нашей диктатуры.

18.3.2. Кубышки и тоталитаристы

Винтроуб (*Wintrobe*, 1990, 1998) исследовал поведение полярных типов диктаторов, заинтересованных либо только во власти, либо только в личном потреблении. Тех, кто преследует в качестве цели только власть, он называет «тоталитаристами», а тех, кто максимизирует собственное потребление, он называет «кубышками». Уравнения (18.8) и (18.10) не относятся к тоталитаристу, и мы остаемся с условием оптимальности (18.11), балансирующим выгоды от увеличения лояльности и репрессий. Для диктатора-кубышки все члены, включающие $\partial U/\partial P$, исключаются из (18.10) и (18.11) и мы остаемся с

$$\frac{\partial U}{\partial C} = \frac{\partial U}{\partial S} \cdot \frac{\partial S}{\partial L} \quad (18.12)$$

$$\frac{\partial S}{\partial R} R' = \frac{\partial S}{\partial L} \quad (18.13)$$

Кубышка взвешивает предельный выигрыш в полезности в результате роста потребления с предельным выигрышем от дополнительного доллара, оставленного народу с целью укрепления своей безопасности, а затем распределяет деньги между формированием лояльности и увеличением репрессий так, что они в пределе одинаково эффективны в деле увеличения безопасности.

Угроза безопасности диктатора может быть интерпретирована как повышение $\partial U/\partial S$. Реакция кубышки на такой вызов его роли недвусмысленна. Он снижает потребление ради увеличения лояльности и уравнивает обе части (18.12). Реакция тоталитариста более неопределенная. Рост $\partial U/\partial S$ увеличивает обе, как правую, так и левую части (18.11). Ответит ли тоталитарист снижением налогов ради увеличения лояльности или же повышением их ради увеличения репрессий – зависит от сравнительной эффективности эти двух стратегий.

Экзогенное увеличение национального дохода приносит дармовое увеличение лояльности населения и, тем самым, падение в предельном влиянии снижения налогов на население. Правые части уравнений (18.12) и (18.13) сокращаются и кубышка отвечает увеличением налогов и расходов на репрессии с целью повысить свою безопасность и выделить больше на свое личное потребление.⁶ Экзогенное увеличение национального дохода уменьшает оба члена в правой части (18.11) и, таким образом, приводит тоталитариста как к

⁶ Винтроуб (*Wintrobe*, 1998, chs. 3, 5) полагает, что лояльность есть возрастающая функция от репрессий при низком уровне репрессий. Таким образом, экзогенное увеличение лояльности, вызванное увеличением дохода, позволяет кубышке сократить репрессии. Я предпочитаю отделять понятия лояльности и репрессий. Лояльность означает *добровольную* верность граждан диктатору из благодарности или до-

повышению налогов, так и усилению репрессий, с тем, чтобы увеличить как свою власть, так и безопасность.

18.3.3. Селективные стратегии выживания

До сих пор мы предполагали, что лояльность и репрессии — хотя и совершенно различные по своим причинам — одинаковы по своим последствиям. Они усиливают власть и безопасность диктатора, если на них выделяется больше ресурсов. Предыдущие модели не уточняли, однако, как эти ресурсы расходуются: отслеживаются ли и подавляются все акции граждан, или только некоторых из них; повышаются ли доходы всех граждан с целью заполучить их лояльность или только некоторых из них. Репрессивные политические действия — правительственные информаторы, секретная полиция, эскадроны смерти, похоже, сеют недоверие и страх и во многих случаях разрушают добрую волю и лояльность, которые могут порождать иные политические мероприятия государства, такие, как бесплатное образование, субсидирования жилья и искусства, а также здравая экономическая политика. Таким образом, кажется вероятным, что диктатор будет осуществлять инвестиции в формирование лояльности и репрессии селективно. Одной из стратегий может быть культивирование лояльности тех индивидов или групп, которые в состоянии внести наибольший вклад в успех диктатуры, и проведение репрессий по отношению к тем, кто может причинить ей наиболее сильный ущерб. Так, лояльность военных подкрепляется высоким жалованьем и щедрыми бюджетами, в то время как студенческие объединения и пресса подвергаются цензуре и репрессиям.⁷

До сих пор мы предполагали, что диктатор поставляет общественные блага с целью увеличить доходы всех членов общества как для того чтобы обеспечить лояльность, которая способствует власти и безопасности диктатора, так и для максимизации его потенциальных налоговых доходов. Однако лояльность определенной группы может быть столь же хорошо обеспечена путем *передачи* ей дохода от какой-либо другой группы, как и за счет создания дохода путем поставки чистых общественных благ и проведения здравой экономической политики. Таким образом, от рационального диктатора можно ожидать не только трансфертов дохода от сообщества себе самому ради удовлетворения своих личных потребительских запросов и амбиций, но также трансфертов

верия. Репрессии же расширяют *недобровольную* поддержку диктатора из страха и принуждения.

⁷ Это суждение объясняет, почему я разграничиваю лояльность и репрессии. Если расходы в целях повышения лояльности также вносят вклад в достижение целей репрессий, то тогда было бы разумным предположить, что $L = L(Y, R)$ притом, что $\partial L / \partial R < 0$.

дохода в пользу отдельных групп сообщества, лояльность которых он более всего желает укрепить. Те же группы, которые наблюдают изъятие своих доходов на финансирование подобных трансфертов, становятся очевидными объектами репрессий.

Мы можем смоделировать этот процесс, предположив, что успех диктатуры, чем бы он ни измерялся, или, более узко, ее безопасность S есть функция от уровней полезности, достигнутых каждой группой в стране, которые, в свою очередь, есть функции дохода, заработанного каждым членом группы и любой субсидии или трансфертов, им получаемых. $U_i = U_i(Y_i + s_i)$, где s_i — субсидия члену группы i , которая в случае, если она негативна, становится налогом. По мере роста дохода группы ее лояльность режиму и вклад в его успех растут. Однако вклад каждой группы в успех режима может быть различным. С целью упрощения мы просто отразим эти групповые различия через специфический для групп параметр α_i . Кроме того, успех диктатуры зависит от ресурсов, которые она выделяет на репрессии. Мы снова допустим, что вклады в успех режима от репрессий различаются в зависимости от того, к какой группе они применяются, и просто измерим эти различные реакции с помощью параметра β_i . Безопасность диктатуры теперь может быть просто описана как суммирование с учетом этих двух параметров:

$$S = n_1[\alpha_1 U_1(Y_1 + s_1) + \beta_1 R(T_{R1})] + n_2[\alpha_2 U_2(Y_2 + s_2) + \beta_2 R(T_{R2})] + \dots + n_i[\alpha_i U_i(Y_i + s_i) + \beta_i R(T_{Ri})] + \dots + n_m[\alpha_m U_m(Y_m + s_m) + \beta_m R(T_{Rm})], \quad (18.14)$$

где T_{Ri} — объем налоговых поступлений, выделенных на репрессии в отношении группы i , а n — размер этой группы. Задача диктатора заключается в максимизации S при ограничении, что общий объем положительных субсидий и направленных на репрессии налоговых поступлений равен величине собранных налоговых поступлений (негативных субсидий).⁸

$$\sum_{i=1}^m n_i s_i + \sum_{i=1}^m n_i T_{Ri} = 0. \quad (18.15)$$

В дополнение к этому бюджетному ограничению имеются ограничения, заключающиеся в том, что расходы на репрессии не могут быть негативными и что никакой налог на группу не может превышать заданный извне доход. Если $s_i < 0$, тогда $|-s_i| \leq Y_i$, а $T_{Ri} \geq 0$ для всех i . Максимизация (18.14) по s_i и T_{Ri} при наличии этих ограничений дает следующего вида условия первого порядка по всем группам, для которых ограничения в виде неравенства не являются связывающими:

⁸ Мы снова игнорируем потребление диктатора и поставку им общественных благ.

$$\alpha_i U'_i = \alpha_j U'_j = \beta_k R' = \beta_h R'. \quad (18.16)$$

Доход перераспределяется среди групп так, чтобы уравнивать предельные воздействия на безопасность правительства возрастающего дохода члена любой группы. Налоговые поступления распределяются на репрессии по отношению к каждой группе так, чтобы опять же уравнивать предельные воздействия на безопасность репрессирования члена любой группы. Для групп с очень низкими значениями β выгоды от репрессий настолько малы, что никакие средства на эту деятельность не выделяются. У групп с очень низкими значениями α все их доходы изымаются в виде налога.

В реальности представляется более вероятной более сложная функциональная связь безопасности S , полезности граждан и выгод от их репрессирования. Например, выгоды от репрессий по отношению к некой группе будут, вероятно, возрастать с объемом изымаемого у нее через налоги дохода, то есть β_i является функцией от s_i . Но нам нет необходимости исследовать эти более сложные альтернативы с тем, чтобы увидеть, что оптимальный набор политик диктатора, скорее всего, будет включать селективное использование поощрений и наказаний.⁹ В этом контексте стоит заметить, что стоящая перед диктатором задача выбора политик относительно налогов и расходов аналогична той, с которой сталкиваются конкурирующие партии в двухпартийной электоральной системе при предположениях, принятых в модели вероятностного голосования (см. гл. 12).^{*} Когда группы интересов вносят различные вклады в успех партии, она обещает им столь же различные блага из государственных программ. Конкуренция за голоса между двумя партиями приводит их к предложению набора политик, которые максимизируют какую-либо разновидность взвешенной функции общественного благосостояния. Диктатору не приходится соревноваться с организованной оппозицией, но он должен жить в постоянном страхе, что некий генерал, капрал или отвергнутый интеллектуал запустит в движение цепь событий, которая приведет к падению диктатора. Эта неопределенность заставляет диктатора максимизировать целевую функцию, которая зависит от полезностей граждан. Она

⁹ Дополнительное обсуждение селективных стратегий диктаторов, см. в работе Винтроуба (Wintrobe, 1998, chs. 6–8).

^{*} При вероятностном голосовании допускается несовершенство информации как у избирателя относительно платформы кандидата, так и у кандидата относительно максимума полезности (т. н. «идеальной точки») избирателя. В результате (в отличие от детерминистского голосования), если кандидат 2 предложил платформу, которая дальше от идеальной точки избирателя, чем та, которую предложил кандидат 1, то это еще не означает, что кандидат 2 потерял голос. Он лишь снизил вероятность его получения. Аналогично если кандидат 2 предложил платформу, которая ближе к идеальной точке избирателя, то это еще не означает, что он наверняка выиграл его голос. Он только повысил вероятность его получения. — *Прим. ред. пер.*

отличается от той, которая имеет место для партии при демократии тем, что веса, которые придаются полезностям некоторых групп, могут быть, на самом деле, отрицательными.

18.3.4. Дилемма диктатора

Таким образом, мы видим, что граждане будут иметь различные выигрыши и потери от государственной политики при диктатуре, так же, как это имеет место при демократии. Будет присутствовать поиск ренты, и различные группы будут конкурировать за эти ренты. Для достижения своих целей диктатор должен определить, кто является его истинными сторонниками, а кто — врагами; кого — награждать, а кого — наказывать, то есть α и β из предшествующего раздела. В демократии эта информация абсолютно доступна. Группы интересов предлагают видимую поддержку партии в форме голосов и вкладов в избирательную кампанию, а политик может совершенно легко определить, какие группы ему лояльны и заслуживают поощрения. Однако при диктатуре поддержка правительства является значительно более пассивной. Она принимает форму неучастия в активной оппозиции правительству, несаботирования его политики и неразжигания революции с целью его свержения и так далее. Все группы имеют стимул к *вынужденной* поддержке диктатуры, даже если они активно работают против нее. Диктатор сталкивается с обескураживающей его задачей — установить, какие группы *действительно* поддерживают его, какие только притворяются, а какие активно, но секретно замышляют его свержение.

Более того, стимул скрывать истинные намерения и мнения о диктатуре становится все сильнее вместе с усилением репрессий и желанием диктатора осуществлять абсолютную власть. Каждый гражданин в случае открытого выражения мнения о диктаторе или его политике должен задать себе вопрос: не послужат ли его взгляды не только препятствием для улучшения благосостояния, но и для выявления его в качестве объекта репрессий? Таким образом, при диктатуре от рационального гражданина можно ожидать сокрытия своего истинного отношения к диктатору и его политике, и это справедливо как для среднего человека с улицы, так и для ближайших и наиболее влиятельных советников диктатора. В результате возникает дилемма диктатора.¹⁰ Чем более абсолютной является его власть и более жесткими проводимые им репрессии для ее сохранения, тем беднее его источники информации о том, как осуществлять власть наиболее эффективно. Парадоксально, но *действительная* власть диктатора, который использует страх и репрессии для сохранения

¹⁰ Термин идет от Винтроуба (Wintrobe, 1998, pp. 20–39); см. также Элстер (Elster, 1993, pp. 66–69).

своего статуса, может на самом деле сокращаться по мере того, как он снова и снова прибегает к этим стратегиям.

В целях выстраивания поддержки своего режима диктатор нуждается в способе достоверного сигнализирования тем, чей лояльности он добивается, что впоследствии он не переменит внезапно к ним своего отношения. Те, кто ищет рент и иных вознаграждений от диктатора, нуждаются в способах сигнализирования о своей готовности обменять ренты на лояльность. В общем, диктатору требуется критерий для определения, кого награждать, а кого — нет, а также кого следует подвергнуть репрессиям. Здесь полезную роль играет идеология. При теократии, например, различие между гражданами может быть проведено на основании их принадлежности или не принадлежности к государственной религии. Не принадлежащие к ней становятся очевидным объектом репрессий и налогообложения. Поддержка диктатора приверженцами государственной религии строится через трансферты и другие меры обеспечения лояльности. Идеология режима идентифицирует вероятных получателей выгод и проигравших в результате правительственной политики и до некоторой степени обязывает диктатора не задействовать репрессии против граждан, принадлежащих к государственной религии. Наличие государственной религии помогает создать доверие к обещаниям диктатора. Другими критериями дифференциации граждан становились экономические интересы (коммунизм) и этнические группы (фашизм, апартеид, национализм).¹¹

18.3.5. Пределы тоталитаризма

Обсуждение в предыдущей части показывает, почему немногие диктаторы когда-либо приближались к амбициозной цели, поставленной для фашизма Муссолини в начале этой главы. Разумеется, они не понимали этого. Одно из объяснений состоит в том, что тоталитарист, вероятно, испытывает нехватку информации для достижения этой цели. Вторая причина заключается в том, что у него, скорее всего, отсутствуют необходимые ресурсы.

Возвращаясь к (18.14), мы видим, что диктатор будет желать облагать налогом некоторые группы и предоставлять трансферты другим с целью заручиться их лояльностью. Дополнительные ресурсы требуются для репрессий по отношению к прочим группам, которые, возможно, могут включать и те, что подвергаются тяжелому налогообложению. Со временем производительность подлежащих тяжелому налогообложению и репрессиям групп приходит в упадок. Для поддержания налоговых поступлений режим должен расширять список тех, кто подвергается налогообложению и репрессиям. По мере падения и их производительности, список должен быть снова расширен и т.д. Второй

¹¹ Для дальнейшего обсуждения, см. Бернхольц (Bernholz, 1991, 1997b) и Винтроуб (Wintrobe, 1998, chs. 7, 8).

причиной, по которой тоталитарный режим может оказаться не в состоянии достичь своей цели полного идеологического подчинения населения является тот факт, что ему недостает необходимых экономических ресурсов.¹²

18.4. Подъем и упадок диктатур

В разделе 18.1 мы описывали, как диктатура может возникнуть из состояния чистой анархии. Очень часто диктаторские режимы устанавливаются вслед за войной или революцией или коллапсом различных форм правления. Османовцы разбились в битве, а затем сменили распадающуюся византийскую теократию. Наполеон Бонапарт воздвиг диктаторскую империю во Франции, разрываемой после революции борьбой и конфликтами. Коммунистическая диктатура, которая утвердилась и доминировала в Советском Союзе на протяжении большей части двадцатого века, появилась вслед за революцией, которая взорвала Россию во время Первой мировой войны. Она сместила монархию Романовых. Гитлеровская фашистская диктатура сменила демократическую систему правления во время экономического кризиса в Германии в 1930-е гг. Фидель Кастро возглавил революционную армию, которая сместила непопулярную диктатуру на Кубе. В этих и многих других случаях, на которые можно сослаться, новый режим сменял коррумпированный или приходящий в упадок режим во время больших потрясений и несчастий в стране. В результате новый диктаторский режим часто начинал с существенной поддержки со стороны, по меньшей мере, некоторых слоев населения. Успешный диктатор расширяет и упрочивает свою первоначальную поддержку. Для обеспечения лояльности среди некоторых групп распределяются вознаграждения; для контроля (возможной) нелояльности других прибегают к репрессиям. Если движение, которое привело к установлению диктатуры, имело идеологию, то диктатор может использовать ее для усиления лояльности.

Победители в революционной борьбе, подобно победителям в любом соревновании, исполнены радости и энтузиазма, убеждены, что они и их идеология утвердили свою позицию. Этот энтузиазм, порожденный победой, может помочь обеспечить энергию, необходимую для построения многих институтов, которые требуются для сохранения диктатуры в длительном периоде. Однако со временем этот энтузиазм убывает, воспоминания о победе увядают и диктатура приходит в упадок. Наиболее свежим и показательным примером упадка и последующего коллапса диктаторской системы явился, конечно, коллапс коммунистических режимов в Советском Союзе и Восточной Европе. Как Винтроуб (Wintrobe, 1998), так и Олсон (Olson, 2000) дали еще одно

¹² См. Винтроуб (Wintrobe, 1998, chs. 3, 5). Эмпирические наблюдения связи диктатуры и результатов функционирования экономики обсуждаются ниже.

объяснение этого упадка, сосредоточив внимание на свойствах гигантских бюрократических систем государственного планирования в этих странах.

В классическом описании иерархической организации необходимая для ее успеха информация (об изменениях во вкусах клиентов или покупателей, новых технологических опциях) собирается на дне иерархии и передается наверх, а команды отдаются наверху и поступают вниз. Оба типа информации подвержены искажению и рассеянию по мере того, как они проходят через иерархию. В дополнение к неизбежным потерям содержания по мере прохождения информации через иерархию имеют место намеренные искажения и исчезновения информации, поскольку члены иерархии оппортунистически преследуют свои собственные цели. Задача каждого контролера снизить такие *потери контроля* в иерархической организации так, чтобы организация преуспела в достижении поставленных теми, кто наверху, целей.¹³

Винтроуб (Wintrobe, 1998, chs. 9, 10), базируясь на работе Бретона и Винтроуба (Breton and Wintrobe, 1982) проводит различие между *вертикальными обменами* в иерархической организации и *горизонтальными обменами*. Подчиненные предоставляют определенные услуги своим контролерам, которые, в свою очередь, предлагают им определенные вознаграждения. Таким путем устанавливается доверие между подчиненными и начальниками, и такие вертикальные обмены, тем самым, ведут к созданию организаций, успешно реализующих свои цели. Энтузиазм, который характеризует ранние годы новой диктаторской системы в соединении с сильной приверженностью идеологии, лежащей в основе диктатуры, могут, как ожидается, поднять уровни доверия между вертикально связанными членами государственной бюрократии и, таким образом, внести вклад в эффективность диктатуры. Винтроуб (Wintrobe, 1998, ch. 9) утверждает, что вертикальное доверие было особенно сильным в советской государственной бюрократии во время первых десятилетий после революции; это помогает объяснить небывалый успех и очевидную эффективность советского централизованного планирования на большем протяжении двадцатого столетия, что было бы удивительно без такого доверия.

В противоположность обменам по вертикали горизонтальные обмены подрывают эффективность иерархических организаций. Горизонтальные обмены имеют место между индивидами на данном уровне иерархии. Любые интересы, которые разделяют эти индивиды, кроме высших целей организации, вероятно, *конфликтуют* с этими высшими целями. Например, все ученые в исследовательской лаборатории, вероятно, имеют общий интерес к расширению своей свободы определять темы исследования, которые они проводят. Успех лаборатории в получении ответа на закрепленную за ней проблему может быть, однако, подорван, если исследование каждого ее сотрудника

¹³ Классическое обсуждение этих свойств иерархий дано Саймоном (Simon, 1961) и Вильямсоном (Williamson, 1964, 1975). См. также работы Милгрона и Робертса (Milgrom and Roberts, 1992).

отклонится слишком далеко от нее. Таким образом, по мере развития горизонтальных связей в бюрократии, можно ожидать падения ее эффективности. Отношения доверия развиваются между людьми, которые занимают одинаковое положение в иерархии, по мере того как они обмениваются выгодами между собой (вы говорите, что мое исследование хорошо для организации, а я говорю, что — ваше; вы покрываете меня, а я — вас).

Поскольку вертикальные обмены вносят вклад в успех организации, в них можно вступать и их можно рекламировать открыто. Разумеется, вознаграждение одного подчиненного за хорошую работу, вероятно, будет иметь большее позитивное влияние на успех организации, если ее сотрудники на том же уровне иерархии будут знать о нем, чем если бы оно оставалось в секрете. Вертикальные обмены могут быть закреплены письменно и их легко верифицировать. Горизонтальные обмены, которые приносят выгоды участникам сделки, но вред эффективности организации, должны заключаться и держаться в секрете. Когда в них вовлечены несколько индивидов, эти обмены напоминают картельные соглашения. В рыночной экономике может иметь место необходимость молчаливо вступать в картельные соглашения с тем, чтобы избежать проверки властей, ответственных за поддержание конкуренции в целях содействия эффективности экономики. Также может существовать необходимость молчаливо вступать в горизонтальные картельные соглашения среди бюрократов с тем, чтобы избежать проверок со стороны стоящих выше в иерархии, которые многое потеряют, если организация станет менее эффективна.

Все члены горизонтального картеля попадают в дилемму заключенных. Создаваемые картелем ренты являются общественным благом для его участников. Все участники картеля выигрывают, если поддерживается соглашение о сговоре, но каждый отдельный участник может выиграть еще больше от обмана его участников. В горизонтальном фиксирующем цены картеле обман принимает форму (обычно секретных) снижений цен. В горизонтальном картеле бюрократов обман может принять форму доноса на других участников, благодаря которому получается значительное вознаграждение и продвижение по службе.

Подобное доношение весьма вероятно в ранний период диктаторского режима, когда многие из его членов остаются «преданными делу» и лежащей в его основе идеологии. Со временем воспоминания о революции проходят и идеологическое рвение остывает. Доношение становится менее распристным. Также со временем становится легче определить, кому можно доверять как верному картельному соглашению, а кто является вероятным доносчиком. Таким образом, горизонтальные обмены и ищущие ренту картели, которые подрывают эффективность бюрократии, появляются только в зрелых бюрократиях. Подобно тому, как институциональный склероз и поиск ренты, которые ведут к экономическому упадку, появляются только в зрелых демок-

ратиях, когда прошло достаточно времени после породивших их войны или революции, точно также институциональный склероз и поиск ренты внутри управляющих централизованно планируемыми экономиками гигантскими бюрократиями становятся истощающими только по прошествии лет после революции или войны, которые породили диктатуру. Как Винтроуб, так и Олсон «отдают должное» Сталину за то, что он отодвинул приступ бюрократического склероза и, тем самым, продлил «экономическое чудо» Советского Союза путем разрушения горизонтального обмена и картельных структур внутри советской бюрократии через многочисленные и жестокие чистки. Эти чистки перемешивали потенциальных членов любого горизонтального картеля и накладывали наказание на каждого, если на него поступил донос. Бюрократический склероз стал неизбежным вместе с прекращением чисток, и советская бюрократия оказалась способной войти в мирную зрелость.

18.5. Диктатура и результативность экономики

Превосходят ли демократии диктатуры? Несколько исследователей обращались к этому важному вопросу как теоретически, так и эмпирически. К несчастью, никакие труды не дают однозначного ответа. Начнем с теоретических подходов.

18.5.1. Сравнительные преимущества диктатуры и демократии

В разделе 18.1 мы видели, что максимизирующий потребление диктатор поставил бы меньшее, чем оптимальное для всего сообщества, количество общественных благ. Этот результат подразумевает, что при демократии, *которая принимает свои коллективные решения на основе правила единогласия*, как уровень поставки общественных благ, так и национальный доход, будут выше, чем при диктатуре, где диктатор выбирает такой уровень общественных благ, который максимизировал бы его личное потребление. Однако ни в одной демократии коллективные решения не принимаются на основе правила единогласия и, как нам известно, в мажоритарных демократиях выигрывающее большинство может действовать как диктатор, перемещая себе доходы меньшинства. Будут ли ее результаты хуже или лучше чем те, что получает диктатура?

В целях рассмотрения того, что имеет место в такой ситуации, допустим, как и в разделе 18.1, что национальный доход есть функция от количества поставляемых общественных благ и он убывает по мере того как повышается пропорциональный подоходный налог, $Y_r = Y(G)(1 - \eta t)$, где η — снова элас-

точность дохода по отношению к налоговой ставке. Целью диктатора была максимизация собственного потребления, которое равно налоговым поступлениям за вычетом суммы расходов на общественные блага

$$O_D = tY(1 - \eta t) - G. \quad (18.17)$$

С другой стороны, сообщество как целое, желало бы максимизировать разность между общим доходом и стоимостью общественных благ

$$O_S = Y(1 - \eta t) - G. \quad (18.18)$$

Один из путей рассмотрения поведения коалиции большинства заключается в том, что она, подобно диктатору, выбирает количество общественных благ и перемещает часть дохода от сообщества в свою пользу в форме субсидии S . Таким образом, налоговые поступления должны покрывать как расходы на общественные блага, так и субсидию

$$tY(1 - \eta t) = G + S. \quad (18.19)$$

Пусть m будет частью сообщества, составляющей коалицию большинства. Тогда ее цель – максимизировать свою долю национального дохода вместе с субсидией за вычетом налогов:

$$O_M = m(1 - t) Y(1 - \eta t) + S. \quad (18.20)$$

Используя (18.19) для замены S в (18.20) мы получаем

$$O_M = m(1 - t) Y(1 - \eta t) + tY(1 - \eta t) - G \quad (18.21)$$

При $m = 0$ (18.21) сводится к (18.17) и мы получаем целевую функцию максимизирующего потребление диктатора. При $m = 1$ (18.21) сводится к (18.18) и мы получаем целевую функцию сообщества, которое максимизирует доход, очищенный от стоимости общественных благ. Таким образом, целевая функция для перераспределительной коалиции большинства оказывается между чистой диктатурой и сообществом, действующим на основе правила единогласия, и выбираемые ею налоговые ставки и количества общественных благ также находятся в промежутке между этими двумя крайними значениями.¹⁴

Хотя и поучительно представлять коалицию большинства как только выплачивающей себе субсидию из общей суммы налоговых поступлений,

¹⁴ Для дальнейшего рассмотрения с использованием более сложной модели, см. МакГир и Олсон (*McGuire and Olson*, 1996).

но, с учетом дестимулирующих эффектов налогообложения, коалиция большинства не станет одновременно облагать себя налогом и предоставлять себе субсидию. Альтернативной стратегией было бы облагать налогом себя и меньшинство по разным ставкам. Если мы примем t_m как налог на коалицию большинства, а t_n как налог на коалицию меньшинства, то целевой функцией коалиции большинства становится просто максимизация дохода за вычетом налога при бюджетном ограничении:

$$O_M = m(1 - t_m) Y(1 - \eta t_m) + \lambda[G - mt_m Y(1 - \eta t_m) - (1 - m)t_n Y(1 - \eta t_n)]. \quad (18.22)$$

Несмотря на простоту этой формулировки, максимизация (18.22) не дает значений для t_m и dY/dG , которые позволяют давать легкие, интуитивные интерпретации. Однако она дает интерпретацию для t_n . Налоговая ставка, навязываемая меньшинству большинством, в точности равна той, которую навязывает сообществу максимизирующий потребление диктатор.¹⁵ Таким образом, можно ожидать, что хотя коалиция большинства при демократии будет эксплуатировать меньшинство почти так же, как это делает диктатор, но ее выбор в отношении самой себя будет менее эксплуататорским, а его результаты при мажоритарной демократии будут ближе к тем, которые максимизируют благосостояние сообщества, чем при диктатуре.

Эти аргументы абстрагируются от проблем, с которыми диктаторы могут сталкиваться в деле сохранения их статуса, а также от возможного интереса к власти и различным идеологическим целям, которые могут понизить благосостояние сообщества. Оверлэнд, Симонс и Спагат (Overland, Simons and Spagat, 2000) недавно исследовали последствия введения неопределенности в отношении сохранения статуса в модель максимизирующего потребление диктатора. Они предположили, что вероятность свержения диктатора падает по мере роста благосостояния сообщества. Если исходное условие — в их модели первоначальный запас капитала — достаточно благоприятно для обеспечения уровня жизни выше критического порога, то диктатура имеет весьма высокую вероятность выживания при выбирающем политику стимулирования роста диктаторе, поскольку он знает о высокой вероятности получения своей доли национального дохода. Однако, если первоначальные условия неблагоприятны, то вероятность выживания диктатуры низка и диктатор грабит экономику. Оверлэнд, Симонс и Спагат, таким образом, предсказывают, что диктатуры делятся на две категории: одна функционирует очень хорошо в терминах экономического роста, другая — бедственно.

¹⁵ Максимизация (18.22) по t_n дает следующее условие первого порядка:
 $\lambda[-(1 - m)Y(1 - 2\eta t_n)] = 0$.

Так как $\lambda > 0$, то выражение в квадратных скобках должно быть равно нулю, что предполагает $t_n = 1/2\eta$.

В совершенно другой модели Робинсон (Robinson, 2000) показал, что диктаторы могут делать выбор в пользу неинвестирования в такие общественные блага, как образование, которые повышают благосостояние всего сообщества, поскольку более образованное общество более способно к свержению диктатора.

Эти результаты делают затруднительным предсказание, будут ли диктатуры функционировать хорошо или нет в терминах экономического роста. И то же самое можно, конечно, сказать о демократиях, если мы предполагаем разные виды поиска ренты, цикличность, максимизирующую бюджет бюрократии и тому подобное.¹⁶ Как это часто бывает, проблема должна быть решена эмпирически.

18.5.2. Сравнительная экономическая результативность диктатур и демократий

Уровни дохода или рост душевого дохода часто используются как измерители результатов в международных сравнениях и, по существу, вся литература, сравнивающая демократию и диктатуру, использует измерители такого типа. Они абстрагируются, конечно, от многих атрибутов демократии, которые большинство граждан ценят. Например, кто-то может быть значительно счастливее, живя в стране, в которой он свободен читать то, что выбирает, чем в той, где отсутствуют свободы, даже если уровни дохода и темпы роста в этих двух странах одинаковы. Тем не менее, интересно задать вопрос, соотносятся ли систематически эти стандартные измерители экономической результативности со степенью свободы и демократии. Весьма обширная литература делала попытку предложить ответ.

Хотя имеются проблемы в деле правильного определения и измерения экономических результатов, они бледнеют на фоне проблем определения и измерения свободы и демократии. Сейчас стандартным подходом является комбинация различных индексов гражданской, экономической и политических свобод в один индекс или более обобщенные индексы. В некоторых случаях, например, см. Скалли и Слотже (Scully and Slotte, 1991) и Де Хаан и Сиерман (de Naan and Siermann, 1998), упор делается на *экономические свободы*, индексы; объединяются индексы «свободы режима обмена зарубежной валютой», «свободы от получения разрешений на работу» и им подобные. В других исследованиях больший упор делается на *демократические свободы*.

Наиболее утешительным для защитников свободного рынка и капиталистической системы является тот факт, что экономическая свобода, кажется, положительно коррелируется с душевыми темпами роста дохода. Де Хаан

¹⁶ Для дальнейшего обсуждения различных теоретических аргументов и ссылок на литературу, см. работу Пржеворского и Лимонджи (Przeworski and Limongi, 1993).

и Сиерман (de Naan and Siermann, 1998), например, обнаружили, что все коэффициенты по девяти различным измерителям экономической свободы имеют правильный знак в регрессии, объясняющей рост душевого дохода, и, по крайней мере, некоторые из них статистически значимы и удовлетворяют набору тестов на чувствительность. Однако в последующем исследовании Де Хаан и Сиерман (de Naan and Siermann, 2000) сообщают, что только *увеличение* экономической свободы имеет положительное влияние на экономический рост, а не ее уровни.¹⁷ С другой стороны, Ву и Дэвис (Wu and Davis, 1999) также находят положительную связь между ростом дохода и композитным индексом экономической свободы, а Кнэк и Кифер (Knack and Keefer, 1995) обнаружили, что защищенность прав собственности положительно связана с экономическими результатами во всех типах политических систем.

Менее утешительным для защитников демократии оказался тип взаимосвязей между демократическими/политическими свободами и типами роста дохода. Хотя некоторые исследования установили значимые положительные связи между измерителями политической свободы и ростом [например, Поургеррами (Pourgerami, 1992)], другие обнаружили, что авторитарные режимы имеют лучшие показатели роста. К таким выводам пришли Адельман и Моррис (Adelman and Morris, 1973), Барро (Barro, 1996). Пржеворский и Лимонджи (Przeworski and Limongi, 1993) проанализировали двадцать одно эмпирическое исследование, в которых тестировалась связь между типом политической системы и экономическим ростом, и оказались не в состоянии обнаружить какую-либо устойчивую закономерность в результатах. Одна из причин этих противоречивых результатов становится ясна из обсуждения в предыдущем разделе упадка руководимых бюрократией централизованно планируемых экономик. В главе 22 мы будем обсуждать гипотезы и факты, которые говорят о том, что *демократии* также могут переживать экономический упадок. Как автократии, так и демократии могут проходить через «жизненные циклы», так что темпы их экономического роста различаются существенно в зависимости от возраста режима. При правильном тестировании воздействий демократии и диктатуры должно проводиться различие между молодыми и зрелыми типами обеих систем.

Вторая трудность, которая появляется, когда производится измерение влияния демократии на экономические результаты, заключается в том, что ни демократия, ни диктатура не существуют в единообразных формах. Среди европейских, англосаксонских и латиноамериканских стран, которые несомненно подпадают под определение демократических, существуют потенциально важные различия в избирательных правилах (двухпартийность, многопартийность, президентские системы), в использовании институтов прямой демократии, таких, как референдум, в федеральном устройстве и т.п.

¹⁷ Бергрен (Berggren, 1999) обнаружил, что увеличение экономической свобод снижает неравенство в доходах.

Внутри множества диктатур также имеют место существенные различия. Винтроуб (Wintrobe, 1998), например, проводит различие между тоталитарной, кубышечной, тиранической и тимократической диктатурами (гл. 1–5). Далее он проводит различие по экономическому критерию между клептократией, капиталистическим авторитаризмом, командной экономикой и теневой экономикой диктаторских систем (гл. 6–10). Нет никаких оснований ожидать, что все эти различные типы диктатур будут демонстрировать одинаковые экономические результаты. Более того, анализ Винтроуба показывает, почему следует ожидать, что, по крайней мере, некоторые из них будут по своим экономическим результатам отличаться от других. Разумеется, вероятность, что различные диктаторы будут выбирать политики, радикально различные по своим экономическим последствиям для их подданных, стала очевидной еще из простых моделей, проанализированных в разделах 18.1 и 18.2.

Основным эмпирическим выводом из описанной ранее модели Оверлэнда, Симонса и Спагата (Overland, Simons and Spagat, 2000) является то, что должны иметь место более значительные *расхождения* в темпах роста для диктатур, чем аналогичные расхождения для демократий. Они представляют свидетельство того, что это так.¹⁸

18.5.2.1. Непосредственное тестирование модели диктатуры Винтроуба. Шнитцер и Шуштершич (Schnytzer and Sustersic, 1997) представили членство в коммунистической партии Югославии в период с 1953 по 1988 гг. как индекс поддержки коммунистического режима, поддержки, которая вносила вклад в его стабильность в этот период. С 1953 по 1988 гг. членство в коммунистической партии Югославии варьировалось по времени и по республикам, входившим в Югославскую республику. Одно из возможных объяснений этих колебаний числа членов партии заключается в том, что членство в партии увеличивается с ростом ее популярности. Эта гипотеза в соответствии с рассмотренными в главе 19 исследованиями политического делового цикла подведет нас к ожиданию того, что членство будет отрицательно коррелироваться с макроэкономическими переменными, такими, как уровень безработицы и инфляции. С другой стороны, членство в коммунистической партии может измерять степень лояльности режиму, вытекающей из «политических обменов» между государством и гражданами, согласно гипотезе Винтроуба. Шнитцер и Шуштершич (Schnytzer and Sustersic, 1997, p. 121) пишут: «Предположим, что занятость или вероятность продвижения по службе были очень важными источниками рент, обеспечиваемых партией своим членам. Относительная ценность этой ренты увеличивается с ростом безработицы. Следовательно,

¹⁸ Для дальнейшего обсуждения концептуальных и эконометрических проблем, встречающихся в ходе попыток *объяснить* расхождения в темпах экономического роста в зависимости от того, относится ли страна к демократии или диктатуре, см.: Пржеворский и Лимонджи (Przeworski and Limongi, 1993).

следует ожидать, что членство в СКЮ (Союз коммунистов Югославии) будет положительно коррелироваться с безработицей». Это диаметрально противоположное предсказание по отношению к тому, что вытекает из гипотезы политических деловых циклов. По аналогичным причинам они ожидают, что членство в СКЮ будет иметь отрицательную корреляцию с уровнем реальной зарплаты. Регрессия временного ряда дала серьезнейшую поддержку этих предсказаний в двух провинциях с преобладанием сербского населения, где власть коммунистической партии была наиболее сильной — в Сербии и Черногории. Незначительное эмпирическое подтверждение гипотезы о политическом обмене было выявлено в несербских республиках — Словении и Македонии, — где власть коммунистического государства была самой слабой. Эмпирическое подтверждение гипотезы о политическом обмене находилось между двумя крайними значениями в Боснии-Герцеговине и Хорватии, где было смешанное с сербами население и коммунистические режимы, сила власти которых также занимала промежуточное значение между ее значениями в остальных четырех республиках. Открытия Шнитцера и Шуштершича согласуются с гипотезой о том, что правительства Сербии и Черногории, а также, хотя и в меньшей степени, Боснии-Герцеговины и Хорватии, усиливали и поддерживали смешанную идеологию в виде сербского национализма и коммунизма через политический обмен так, как это предполагается в модели диктатуры Винтроуба.

18.6. Заключение

Слово «демократия» вызывает образ суверенитета граждан. Граждане определяют политику государства и только их предпочтения имеют значение. Напротив, слово «диктатура» означает антитезис демократии. Только предпочтения диктатора имеют значение. Коллективный выбор граждан в *прямой* демократии, как утверждается, достаточно близко подходит к идеалу суверенитета граждан. Однако даже здесь приходится беспокоиться о проблеме рационального неведения, присущего части избирателей, а также цикличности, возникающей при некоторых выборах правил голосования. Но за исключением этого, можно ожидать значительного соответствия между тем что граждане хотят от государства и тем, что они от него получают.

Предполагается, что это соответствие значительно слабее, когда ассамблея избранных представителей граждан решает, какой должна быть государственная политика, и назначенные бюрократы осуществляют ее. Эта институциональная структура рождает проблему агрегирования предпочтений граждан при выборе представителей, проблему «принципал-агент» между гражданами и их представителями, между представителями и бюрократами, которых они назначают для проведения своей политики, а также эту же проблему между

иерархическими уровнями государственной бюрократии. Тем не менее, имеет место широко распространенное убеждение, что представительная демократия, несмотря на все ее недостатки, выполняет гораздо лучше работу по удовлетворению предпочтений своих граждан, чем это делают диктатуры, так как в представительных демократиях граждане-принципалы продолжают осуществлять *некоторый* контроль за их агентами в лице политиков и бюрократов, тогда как при диктатуре такой контроль отсутствует.

Рассмотренная в этой главе литература бросает тень подозрения на уместность такого жесткого контраста. Диктатор сталкивается с проблемами «принципал-агент» в стремлении вынудить бюрократов, которых он номинально контролирует, продвигать интересы диктатора, а не свои собственные. Это заставляет диктатора с целью добиться послушания бюрократии задействовать вознаграждения и санкции, которые во многом сходны с используемыми при демократии. Граждане могут заставить диктатора чувствовать себя в большей или меньшей безопасности, предоставляя ему свою поддержку и лояльность или лишая его их. Это заставляет диктатора взвешивать воздействия выбранных им политик на благосостояние граждан, что во многом схоже с тем, как избранные партийные должностные лица должны взвешивать воздействие своих политик на благосостояние избирателей. Поиск ренты может ожидаться в любой из двух типов политических систем.

Эти сходства помогают объяснить, почему было трудно идентифицировать эмпирически различия в показателях результатов, таких как темпы роста душевого дохода, между диктатурами и демократиями.

Эти наблюдения, конечно, не предполагают отсутствия существенных различий между демократиями и диктатурами. Простор для репрессивной политики с целью усиления и сохранения власти значительно шире в большинстве диктатур, чем в большинстве демократий. Наличие конституционно определенного набора личных прав и свобод, а также независимой судебной системы предоставляет дополнительную защиту для граждан в *некоторых* демократиях, которая отсутствует в большинстве диктатур. Важнейшее преимущество демократии перед диктатурой, возможно, не в том, что демократии в среднем превосходят диктатуры по экономическим результатам, а в том, что демократии редко опускаются на такую глубину нищеты, которую можно наблюдать при диктатурах.

Библиографические примечания

Плодотворный вклад в исследование диктатуры в теории общественного выбора был сделан Таллоком (Tullock, 1987). Куррилд-Клитгаард (Kurrild-Klitgaard, 2000) недавно представил свидетельство в пользу ключевого предположения Таллока относительно наследования при диктатуре. В период с

935 по 1849 гг. было гораздо больше стабильности, когда наследник монарха отбирался на основе закона о престолонаследии, который четко идентифицировал следующего монарха, чем в случаях, когда создавалась двусмысленность в отношении его идентификации.